

21. Овсянецька Л. П. Творчий потенціал людини: соціально-психологічна парадигма // Соціальна психологія. - 2004. - № 2 (4). - С.140-145.
22. Орбан – Лембрик Л. Е. Життєва перспектива особистості: акмеологічний аспект аналізу // Збірник наукових праць. - Івано-Франківськ, Київ: Плай.- 1996.- Ч.1.- 148с.- с.14-25.
23. Панок В.Г. Психологія життєвого шляху: монографія / В.Г. Панок, Рудь Г.В.. – Київ: Ніка – Центр, 2006. – 280с.
24. Психологія і педагогіка життєтворчості: навчально-методичний посібник / Ред. рада В. М. Доній, Г. М. Несен, Л. В. Сохань та ін. - Київ: ІЗМН, 1996.- 792с.
25. Роменець В. А. Психологія творчості: навч. посібник / Володимир Андрійович Роменець. - Київ: Либідь, 2001.-288с.
26. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии / Сергей Леонидович Рубинштейн. – Москва: Педагогика, 1973. – 416с.
27. Татенко В. О. Психология в субъектном измерении / Виталий Александрович Татенко. – Киев: Просвита, 1996. – 404с.
28. Титаренко Т. М. Життєвий світ особистості: у межах і за межами буденності / Тетяна Михайлівна Титаренко. – Київ: Либідь, 2003. – 376с.
29. Чудновский В. Э. О некоторых прикладных аспектах проблемы смысла жизни / В. Э. Чудновский // Мир психологии, 2001. - №2. – с.82-89.
30. Ямницький В. М. Психологія життєтворчої активності особистості: монографія / Вадим Маркович Ямницький. – Одеса: СВД Черкасов М.П., 2004. – 360с.

УДК 159.9

Карандашев Ю. Н.

О пользе «законов диалектики» в высшем образовании

Анотація. У статті показано, що ідеологічно мотивовані «закони діалектики», з одного боку, явно не дотягують до дійсних законів, оскільки є швидше карикатурою на них, а з іншого, все ж містять в собі деякі структури взаємодії, які могли б спонукати студентів до занять справжньою філософією.

Ключові слова: філософія, діалектика, закони діалектики, вища освіта.

Аннотация. В статье показано, что идеологически мотивированные «законы диалектики», с одной стороны, явно не дотягивают до действительных законов, являясь скорее карикатурой на них, а с другой, все же содержат в себе некоторые структуры взаимодействия, которые могли бы побудить студентов к занятиям настоящей философией.

Ключевые слова: философия, диалектика, законы диалектики, высшее образование.

Summary. The article shows that ideologically motivated “principles of dialectics”, on one side, are not real principles being rather the caricature of them and,

on the other, nevertheless contain some interactional structures, which might prompt the students to study the real philosophy.

Key words: philosophy, dialectics, principles of dialectics, higher education.

«Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь...» – Эта крылатая пушкинская фраза имеет прямое отношение и к моему образованию. Не помню, чтобы в школе у нас был такой предмет как обществоведение, т.е. что-то близкое к философии. Однако совершенно точно помню, что что-то подобное давали нам в техникуме. И тогда-то в моем сознании впервые появились законы диалектики. Однако тогда они меня не интересовали и какого-либо вдохновения, кроме как экзаменационного, не вызывали. Ситуация существенно изменилась после того, как я закончил техникум, начал самостоятельно заниматься философским и математическим образованием, а затем поступил на факультет психологии Ленинградского государственного университета. И тут появился первый научный интерес. Его предметом стали законы диалектики.

Нет, не те законы диалектики, которые были описаны Г. Гегелем в его «Науке логики». И не те законы диалектики, которые перенес из работ Гегеля в свой «Капитал» К. Маркс. Речь идет о трех законах диалектики, которые сформулировал Ф. Энгельс в своей «Диалектике природы», чтобы облегчить пролетариату понимание гегелевской диалектики, поставленной с головы на ноги, т.е. диалектики материалистической. Позднее В.И. Ленин, читая «Науку логики» Гегеля, в своих «Философских тетрадах» интерпретировал идеалистическую диалектику на материалистический лад. «Архиправильная», с одной стороны, и «абсолютно ложная», с другой, гегелевская диалектика в ленинских конспектах стала «путеводной звездой» марксизма-ленинизма. Были написаны груды литературы по поводу того, как марксистско-ленинская диалектика объясняет научные явления. Правда, при очередной смене политического курса характер этих объяснений менялся с точностью до наоборот. Решения съездов, подкрепленные наукообразием марксистско-ленинской диалектики, определяли то, что можно считать истинным, а что нет. В каждой науке появились авторитеты, получившие право на истинное толкование природы вещей. Но если в диалектическом материализме, находившимся ближе к естественным наукам, последние в большей степени определяли способ объяснения природных явлений, то в историческом материализме, наоборот, так называемая «историческая справедливость» корректировала исторические явления и события.

Что же касается учебников философии, то в сознании нескольких поколений соотечественников диалектический материализм отождествляется с тремя законами диалектики. Для тех, кто их учил, но забыл за давностью лет, для

тех, кто не учил, а потому забыл сразу же после сдачи экзамена, для тех, кому их вообще не пришлось учить, – приведем их формулировки, потому что без них трудно продолжать дальнейшее изложение:

1. Закон единства и борьбы противоположностей.
2. Закон перехода количественных изменений в качественные, и наоборот.
3. Закон отрицания отрицания.

Готовясь к экзаменам по диалектическому материализму, мы пытались понять закон единства и борьбы противоположностей на простейших примерах. Они сводились, например, к представлению о мужском и женском полах, где их единство выражается в том, что женского пола не существует без мужского, а мужского – без женского. Что же касается их борьбы, то она выражается в их взаимоотношениях, обусловленных их противоположным характером. Или же пример магнита, который имеет положительный полюс и отрицательный. Ни отрицательный полюс, ни положительный – не могут существовать самостоятельно, а потому мы рассматриваем их как единство. Что же касается их борьбы, то взаимное притяжение разноименных полюсов и взаимное отталкивание одноименных составляют суть отношений, в которых они находятся. Аналогичного характера объяснения мы находим в энгельсовской «Диалектике природы».

Таким образом, эмпирической базой первого закона диалектики, «единства и борьбы противоположностей», является пара противоположных свойств, каждое из которых не существует без своей противоположности (единство) и которые находятся между собой в определенных отношениях (борьба). «Единство» потому, что они невозможны друг без друга, а «борьба» потому, что взаимоотношения этих противоположностей носят противонаправленный характер.

Забавно, что если какую-либо банальность повторять очень долго и с все бóльшим пафосом, то рано или поздно люди начинают верить, что в данном утверждении сокрыта великая истина. Правда, при этом забывается, что еще Аристотель, создавая свою логику, ввел операцию отрицания. Пусть есть нечто А, тогда не-А будет его отрицанием. Вот вам и противоположности: А определяется через не-А, а не-А, определенное как некое В, дает в результате своего отрицания снова А. Элементарная логическая операция отрицания объявляется Великим законом единства и борьбы противоположностей. Вместе с тем, любой пример его действия сводится к операции отрицания, и ничего дополнительного, кроме раздувания щек, ноздрей и идеологического пафоса, не содержит.

Понимание идеологической стороны закона единства и борьбы противоположностей пришло значительно позднее. А на тот момент, когда я с

ним, этим законом, впервые познакомился, я поверил в него. Поверил страстно, невероятно переживал и весь устремился в его совершенствование. Мне казалось, что он носит слишком общий характер, что он нуждается в конкретизации, доработке. И тогда он найдет свое применение в конкретных науках. Меня удивляло, что сами тогдашние представители философского знания этого не понимают и этим не занимаются. Объяснение того, что закон единства и борьбы противоположностей носит философский характер и не призван применяться для объяснения конкретных явлений и вещей, меня не устраивало. Мне казалось, что в ступенчатости переходов от философской методологии к научной, от последней к частным законам, а уж от них к явлениям и вещам, кроется какой-то обман. И виделся он мне в том, что каждая из ступеней согласуется с предыдущей и последующей, но отсутствует прямая линия объяснения, связывающая всеобщий универсальный закон единства и борьбы противоположностей с конкретными явлениями и вещами. Вроде бы верхний этаж должен стоять на нижнем, потому что каждый последующий этаж стоит на предыдущем, однако на деле этого не получается. Банальность объяснений конкретных явлений и вещей через закон единства и борьбы противоположностей была настолько очевидна, что хотелось плакать от безысходности.

В то же время что-то в этом законе останавливало внимание, что-то оставляло надежду на возможность перспективы. Этим что-то было представление о структуре взаимодействия. Например, пусть есть некая сложная вещь, состоящая из частей. Тогда две произвольно взятые части этой вещи можно рассматривать как противоположности. Их единство состоит в том, что обе части принадлежат данной вещи, а противоположность в том, что они не тождественны между собой, а значит, каждая из них может рассматриваться как противоположность другой. Словом, схема логического отрицания проецируется на две произвольно взятые стороны предмета. Однако не эта гносеологическая схема вызывала интерес, а ее онтологическая интерпретация. Если одну часть предмета обозначить буквой X, а вторую – буквой Y, то тогда сочетанием букв XY можно обозначить влияние части X на часть Y, а сочетанием букв YX – влияние части Y на часть X. И тогда мы получаем такую структуру:

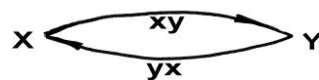

Рис. 1

Странно, но отталкиваясь от логической операции отрицания, носящей чисто гносеологический характер, мы перешли к структуре взаимодействия, являющейся онтологической. Возникает вопрос, который ставился еще Гегелем (хотя какие только вопросы Гегелем не ставились?!), а в чем различие

гносеологии и онтологии, кроме того что первая считается методом анализа, существующим, естественно, в голове исследователя, а вторая – объективно существующей вещью, независимой от головы последнего. Более того, переход от гносеологической схемы к онтологической приблизил меня к заветной цели – найти в гносеологическом законе единства и борьбы противоположностей онтологический смысл реально существующего мира.

С одной стороны, выше приведенную схему можно использовать как графическое выражение закона единства и борьбы противоположностей, т.е. своего рода продолжение данного метода анализа, сохраняющее гносеологический статус. С другой стороны, его можно рассматривать как структуру взаимодействия двух частей рассматриваемого предмета. И тогда остается эту структуру расширить до целого предмета, в котором уже не две, а три и более частей. Соответственно каждая из частей, с одной стороны, воздействует на каждую другую часть и, с другой, испытывает влияние каждой другой части на себе. В простейшем расширении мы получаем вот такой рисунок:

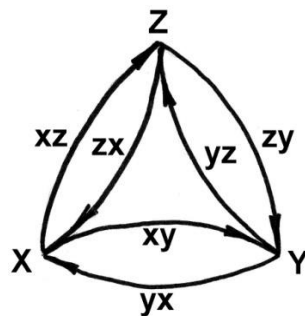

Рис.2

Следует согласиться с утверждением, что данная структура несколько отстоит от закона единства и борьбы противоположностей. Если в методе анализа он еще приемлем, так как мое сознание вправе брать разные стороны вещи и противопоставлять их друг другу, определяя одно через положительное утверждение А, а второе через его отрицание не-А, то в объективной структуре вещи ни одна из них не является отрицанием другой. Все стороны равноценны, и только наша исследовательская предвзятость позволяет одну сторону определить как положительную, а вторую – как отрицательную. Поэтому понятие борьбы идет не от природы вещей, а от метода анализа, который, используя логическое отрицание, одну сторону вещи противопоставляет другой ее стороне. Не помню, чтобы Гегель писал о борьбе, но уж, наверняка, Ленину это нравилось.

Что до понятие единства, то в методе анализа А и не-А действительно едины, ибо каждое из них является отрицанием другого. Однако если взглянуть на две стороны одной вещи онтологически, то все их единство сводится к тому, что они являются двумя сторонами одной вещи, т.е. принадлежит одному целому. Что же до борьбы их внутри этого целого, то с равным успехом можно было бы

сказать, что моя левая рука «борется» с моей правой рукой. Действительно, они вполне согласовано стучат по клавиатуре, но вот что до борьбы, то тут явный перегиб, скорее, со стороны метода анализа, чем со стороны объективной действительности. Революционизм, выраженный в законе единства и борьбы противоположностей, был нужен для идеологических целей (взгляните, как им ловко манипулирует Ленин в своих текстах), но вовсе не нужен для целей научных, далеких от политических распрей. Как метод анализа, закон единства и борьбы противоположностей позволяет обосновать все и вся, не взирая на действительное положение дел, в то время как в статусе структуры взаимодействия он приближается к реальному взаимодействию, хоть и в очень абстрактной форме.

Ну и, конечно, я не мог не сделать тогда следующий шаг, завершающий онтологизацию закона единства и борьбы противоположностей. Если рассматривать взаимодействие частей X, Y и Z, то, будучи последовательным, наряду с парными влияниями xu , ux , xz , zx , yz и zy я должен был ввести влияния каждой части на себя, т.е. xx , yy и zz . И тогда структура взаимодействия трех сторон предмета принимала следующий вид:

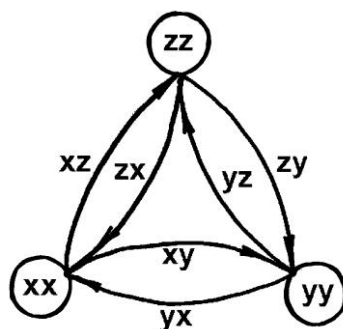

Рис.3

Таким образом, начав с банального, хоть и философского закона единства и борьбы противоположностей, я пришел, в значительной степени опираясь на логическую операцию отрицания, к довольно симпатичной структуре, описывающей не только взаимодействие сторон предмета между собой, но также и взаимодействие каждой из этих сторон с самой собой.

В математике такой рисунок называется графом: не по родству происхождения, а от слова «чертить, рисовать». В графе выделяются два вида объектов: точки (независимо от размера, малые или большие), называемые вершинами графа, и линии (со стрелками или без), называемые ребрами графа. При этом существуют два вида ребер: парные, т.е. начинающиеся из одной вершины и заканчивающиеся в другой, и петельные, т.е. заканчивающиеся в той же вершине, в которой и начинались.

Второй философский закон, имеющий то же происхождение, что и первый, это закон перехода количественных изменений в качественные, и наоборот. Примеры его применения ничуть не лучше, чем приведенные выше примеры к применению закона единства и борьбы противоположностей. Если в водопроводной трубе есть небольшая течь и труба ржавеет, рано или поздно эти постепенные количественные изменения, выражающиеся в ржавении трубы, приведут к качественному изменению, т.е. труба лопнет. Или: если в «обществе развитого социализма» (старшему поколению этот термин знаком) очень долго развивать «коммунизм», то рано или поздно оно превратится в «общество гнивающего капитала» (и этот термин нам тоже знаком). Обратное же утверждение: о том, что качественные изменения ведут к количественным, – часто подвергают сомнениям, хотя оно может быть принято несмотря на всю его банальность. Технологический прогресс (например, в области высоких технологий) резко ускоряет развитие науки и техники.

Какое отношение второй закон диалектики имеет к первому закону? – В существующем виде не имеет никакого, потому что приложить его к первому закону, единства и борьбы противоположностей, не представляется возможным. В первом законе вообще нет никакой речи ни о категории количества, ни о категории качества. А потому эти два закона следует рассматривать как не связанные между собой. Это значит, что отдельное существование, по меньшей мере, двух законов диалектики уже противоречит требованию найти один, единый, универсальный закон бытия. Впрочем последний должен быть онтологическим, а потому к нему должно применяться требование единичности и должна отвергаться возможность множественности. Что же касается законов диалектики как законов гносеологических, т.е. принципов и методов анализа действительности, то они вовсе не должны быть сведены к единому, а могут носить множественный характер.

С учетом гегелевского требования, чтобы логика анализа соответствовала логике изучаемого предмета, получаем, что онтологический закон бытия, будучи единым, а потому и универсальным, превращаясь в логику анализа, получает право выступить в виде множества гносеологических законов, или принципов, соблюдение которых позволяет мышлению оперировать с этими данностями. Таким образом, онто-логика – это логика существования предмета, и в силу его единственности она также должна быть единой. Что до гносео-логики, то она является проекцией онто-логики на множество принципов, или гносеологических законов. Однако при этом должно быть выполнено главное требование: гносео-логика должна находиться с онто-логикой в отношениях изоморфизма, т.е. взаимно однозначного соответствия. Это значит, что не только из онто-логики

можно получить гносео-логику, но и из гносео-логики должно быть возможно получить онтологику. Это значит, что каждому гносеологическому суждению должно соответствовать онтологическое, а каждое онтологическое суждение должно иметь возможность быть выраженным в гносеологическом.

Категории качества и количества в гегелевской «Науке логики» рассматриваются совершенно в другой связи, нежели они представлены во втором законе диалектики. Складывается впечатление, что аппроксимация гегелевской диалектики в отношении категорий качества и количества до второго закона диалектики производилась человеком, который вообще не читал «Науку логики» или просто прошел «по ее коридорам». В гегелевской логике понятия качества и количества являются проекциями онтологической конструкции на гносеологические координаты, и за понятием качества стоят вполне определенные конструкции, а не те бытовые представления, которые строятся в нашем сознании после чтения это закона.

Третьим законом диалектики является закон отрицания отрицания. Во всех учебниках и монографиях его связывают с понятием развития. При этом развитие понимается как непрерывное восхождение вещи от одного качественного изменения до другого. В результате получаем как бы вытянутую веревку с равно отстоящими друг от друга узлами. Эти узлы суть качественные изменения, и отрезки веревки между ними – количественные. При этом процесс количественных изменений (веревка между узлами), начавшийся после качественного (последнего узла), состоит из двух отрицаний, первое из которых как бы отказывается от имеющегося качества, а второе отрицание возвращает результат первого отрицания к исходному качеству. Однако это уже не старое качество, а новое, последующее, являющееся следующим узлом качественных изменений. Правда, этот предложенный мною образ уже выходит за пределы закона отрицания отрицания, так как в нем самом ничего не сказано о переходе количественных изменений в качественные, и наоборот. Только в соединении со вторым законом третий закон диалектики может быть объяснен таким образом.

В чистом же виде закон отрицания отрицания правильнее будет интерпретировать через его родимое пятно. Логическая операция отрицания применяется по отношению к переменной А и дает в результате не-А. Вот вам первое отрицание! Второе же отрицание применяется к уже имеющемуся не-А и дает в результате не-не-А. Аристотелева логика утверждает, что не-не-А тождественно А. При этом она руководствуется пониманием логики как метода анализа, а не как онтологической конструкции. Если бы мы в аристотелевой логике перестали признавать не-не-А как А, то тогда бы она перестала работать,

т.е. определять значение истинности порождаемых ею высказываний на основе исходных аксиоматических утверждений.

Гегель, апеллируя к аристотелевой логике как внешней форме содержания отображаемых ею предметов, т.е. как к гносеологии, решил ее онтологизировать, т.е. приблизить к содержанию этих предметов. Тогда понятию двойного отрицания должно было бы быть придано значение процесса развития, но на узком его отрезке, от качества А до качества В. И тогда, обозначив В как не-не-А или ne^2-A , получаем развитие как двойное отрицание. Иначе говоря, онтологизированная операция двойного отрицания отождествляется с одиночным актом развития, а множество таких двойных отрицаний образуют множество одиночных актов развития, сливающихся в процесс развития. Как видим, налицо явное перетягивание каната между гносеологией и онтологией. То онтология гносеологизируется, а то гносеология онтологизируется. Поднее мы увидим на примере математической логики, насколько существенно это различие и до какой степени оно определяет развитие науки.

Однако далее возникает еще одна конструкция, производная от закона отрицания отрицания. Ленинский конспект, апеллирующий к гегелевскому тексту, все время обращается к словам «тезис», «антитезис» и «синтез». При этом под тезисом понимается переменная А, под антитезисом – ее отрицание не-А, а под синтезом – не-не-А, тождественное В, являющемуся развитием А. Рассмотрим это подробнее.

В исходном виде закон отрицания отрицания требует рассмотрения развития как череды двойных отрицаний, каждое из которых выводит состояние развития предмета на качественно новый уровень. И тогда мы имеем образ вытянутой веревки с узлами качественных изменений. Введя индекс i , получаем ряд $A_1, A_2, A_3, \dots, A_i, \dots$. И тогда $A_2 = ne^2-A_1$, $A_3 = ne^2-A_2$, $A_4 = ne^2-A_3$ и т.д. Или иначе, обобщая, можно записать:

$$A_{i+1} = ne^2(A_i) = \prod_{j=1}^i ne^2_j(A_1). \quad (1)$$

При этом каждый из данных членов должен рассматриваться как состояние предмета А в каждый отдельно взятый момент времени, отделенный от предыдущего момента операцией двойного отрицания.

Рассматривая законы диалектики в совокупности, можно констатировать, что первый закон, единства и борьбы противоположностей, явно отражает структуру объекта, о чем свидетельствует анализ его онтологического содержания. Третий закон, отрицания отрицания, отражает динамику объекта, т.е. его развертывание во времени. А второй закон, перехода количественных изменений в качественные и наоборот, вообще говоря, ничего не отражает. С

одной стороны, он не является логическим по происхождению, как это было с двумя предыдущими, первым и третьим. С другой стороны, он имеет явно онтологический оттенок. Правда, понятие количества не может считаться онтологическим понятием, потому что оно есть не что иное, как обобщение множества качеств по заданному критерию, а потому ассоциируется с логическими кванторами всеобщности и существования, а также понятием множества, которое тоже не может считаться онтологическим. Мне думается, что отсутствие возможности онтологизации и является тем фактором, из-за которого он выбивается из онтологического ряда, в котором стоят первый и третий законы диалектики.

Снова и снова возвращаясь к содержанию законов диалектики, приходим к выводу, что это действительно диалектика для пролетариата, т.е. социального слоя, не отягощенного образованием, не способного прочесть Гегеля, а потому нуждающегося вот в такой интерпретации диалектической логики. Однако суть дела состоит в том, что такого рода «ликбез» (ликвидация безграмотности) не может считаться поисками истины. В лучшем случае его можно рассматривать как переходную ступень к чтению самого Гегеля. Именно Гегеля, потому что марксова интерпретация гегелевской диалектики, равно как энгельсовская, а тем более ленинская интерпретация, сильно упрощают существо дела и на определенном этапе в силу завышенного авторитета классиков марксизма-ленинизма откровенно препятствуют научным исследованиям в этом направлении.

Однако несколько поколений моих соотечественников выросло и воспитывалось интеллектуально (лучше или хуже) на этих диалектических законах. В равной степени я отношу это и к самому себе. Именно через эти три закона, как переходную ступень к чтению Гегеля, я пришел к пониманию более сложных вещей. Получается, что эти законы сыграли в моем образовании как бы роль муляжа, на котором отрабатывались приемы философского, методологического и научного анализа. И не потому что эти законы чему-то учат, а потому что в силу своего примитивизма пробуждают здоровый критицизм.